

ЦѢНА 5 КОП.

№ 16

(Годъ изданія—четвертый).

ЖИВВОЕ

ЦѢНА 5 КОП.

Четвергъ 21-го января (3 февраля) 1910 г.

№ 16

Редакція и главная контора: Воскресенскій переулокъ, уг. Большой Дѣвической № 53.

Контора открыта ежедневно съ 8 утра до 8 ч. веч. Для личныхъ объясненій редакторъ принимаетъ ежедневно отъ 11-ти до 2-хъ ч. дня.

Рукописи, прилагаемыя для напечатанія, должны быть написаны четко, на одной сторонѣ листа и вѣрно именованы подписью автора и его адресъ. Въ печати подписи не могутъ быть сняты и статьи изысканы только редакціи. Научныя и безлестныя пророчества, признанныя неудобными для напечатанія, хранятся 3 мѣсяца и возвращаются по почтѣ только въ томъ случаѣ, если на пересылку будутъ приложены марки. Мелкія статьи, заметки и проч., не принятны въ печать, не возвращаются.

Адресъ для телеграммъ: Воронежъ, „Минусловъ“. ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКЦИИ И ТИПОГРАФИИ № 327.

Стоимость изданія по подпискѣ:

Въ Воронежѣ на годъ—5 р.; на 11 мѣс. 4 р. 60 к.; на 10 м. 4 р. 20 к.; на 9 м. 3 р. 90 к.; на 8 м. 3 р. 50 к.; на 7 м. 3 р. 15 к.; на 6 м. 2 р. 75 к.; на 5 м. 2 р. 40 к.; на 4 м. 2 р.; на 3 м. 1 р. 55 к.; на 2 м. 1 р. 15 к.; на 1 м. 65 к. Иностранцамъ на годъ 6 р.; на 11 мѣс. 5 р. 50 к.; на 10 мѣс. 5 р.; на 9 мѣс. 4 р. 50 к.; на 8 мѣс. 4 р.; на 7 мѣс. 3 р. 50 к.; на 6 мѣс. 3 р.; на 5 мѣс. 2 р. 70 к.; на 4 мѣс. 2 р. 30 к.; на 3 мѣс. 1 р. 90 к.; на 2 мѣс. 1 р. 50 к.; на 1 мѣс. 65 к. Годовые подписчики въ разсрочку, уплачиваютъ при подпискѣ 2 рубля и затѣмъ по одному рублю въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе и сельскія правленія уплачиваютъ за годовой экземпляръ по 5 руб. или по 42 к. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ перваго числа.

Продажа газетъ: въ розницу у газетчиковъ въ г. Воронежѣ и другихъ городахъ—5 к. Старые номера продаются исключительно въ главной конторѣ по 30 коп. экз.

Объявленія: за строку обыкновеннаго газетнаго шрифта или за мѣсто ею занимаемое—на 1-й страницѣ—10 к., на послѣдней 5 к. Для многократныхъ объявленій уступка.

Перемѣна адреса: съ городскаго (Воронежскаго) на городскій—30 к.; съ иностраннаго на иностранній—50 коп.; съ иностраннаго на городскій—30 к.; съ городскаго на иностранній—1 рубль.

Пріемъ объявленій и подписки въ конторѣ редакціи—Воскресенскій пер. (уг. В. Девической, д. Никитинской № 53.)

СЛОВОВО

(въ праздничные дни не выходитъ)

ежедневная общественно-политическая и литературная газета,

основанная В. А. Борновымъ.

Памяти А. П. Чехова.

Статья П. Безобразова.

Если бы злой педугъ не унесъ Чехова въ могилу преждевременно; мы могли бы отпраздновать своеобразный юбилей: 17 января ему исполнилось бы 50 лѣтъ отъ роду. Появка для русскаго писателя считается сроком продолжительнымъ. Мало живутъ русскіе писатели на землѣ и не долго остаются въ памяти нашего общества! О Чеховѣ, котораго еще такъ недавно не въ мѣру превозносили, начинаютъ говорить дурно. У насъ любятъ развѣнчивать, а развѣнчивать такъ легко: для этого не надо имѣть ни знаній, ни таланта... Стоитъ только набросать нѣсколько громкихъ фразъ, что Чеховъ былъ полнѣйшей бездарностью и притомъ чрезвычайно отсталымъ: онъ не описывалъ рабочихъ и не превозносилъ забастовокъ... какой же онъ прогрессистъ? И вотъ готовъ критическій очеркъ, долженствующій произвести сенсацию. Въмѣсто того, чтобы замолчать глупую книженку, какъ это обыкновенно дѣлается съ хорошими и оригинальными книгами, наша печать начинаетъ возмущаться и создавать рекламу пошлости.

Даже въ одномъ серьезномъ журналѣ помѣстили недавно воспоминанія, изблѣчающія Чехова во всевозможныхъ порокахъ. Онъ страдалъ будто бы и корыстолюбіемъ, и маніей величія. Однако, люди, близко знавшіе Антона Павловича, и не имѣвшіе никакихъ причинъ относиться къ нему недружелюбно, не замѣчали въ немъ этихъ крупныхъ недостатковъ. Мнѣ приходилось встрѣчаться съ Чеховымъ и въ Москвѣ, и за границей, и всегда онъ держалъ себя скромно, ровно, ничѣмъ не проявлялъ высокаго о себѣ мнѣнія. Онъ всегда очень аккуратно отвѣчалъ на мои пись-

ма, чего, какъ извѣстно, не дѣлаютъ у насъ важныя особы, даже заѣзжалъ ко мнѣ, когда я жилъ въ меблированныхъ комнатахъ и отклонялъ всякіе визиты. Ни въ тонѣ его, ни въ манерахъ не было ничего высокомернаго. Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ Чеховымъ въ Москвѣ въ конторѣ Художественнаго театра за нѣсколько дней до перваго представленія его послѣдней пьесы „Вишневый садъ“. На его блѣдномъ, истомленномъ лицѣ были глубокіе слѣды смертельной болѣзни, но онъ отличался прежней любезностью и пріятельностью и держалъ себя все такъ же просто, хотя въ ту минуту пахотился на высотѣ славы и былъ московскимъ кумиромъ. Несмотря на это, онъ очень волновался и совсѣмъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ своей новой пьесы. А мы всѣ, присутствовавшіе на первомъ представленіи, знали, что это—его лебединый пѣснь и что ему готовится бурная овалія.

Несмотря на всеобщее признаніе, которымъ пользовался Чеховъ, въ жизни его было немало трагическаго. Онъ чувствовалъ особенную любовь къ Москвѣ, но жить на сѣверѣ значило для него ускорить смерть. И въ Ялтѣ, гдѣ онъ вынужденъ былъ поселиться, и за границей онъ чувствовалъ себя скверно; даже съ женой, артисткой Московскаго театра О. Л. Книпперъ, ему приходилось быть большей частью въ разлукѣ. Въ Ниццѣ (приблизительно 10 лѣтъ тому назадъ) я встрѣтился съ Чеховымъ, и онъ жаловался мнѣ на судьбу. Онъ не могъ писать за границей: ему нужны были свѣжія наблюденія, русскіе люди и русская жизнь. Языковъ иностранныхъ, кромѣ французскаго, онъ совсѣмъ не зналъ, да и по французски говорилъ плохо, и это стѣсняло его. Очень мало утѣшали его теплый климатъ и чудное Средиземное море; хотя онъ чувствовалъ красоту природы, но предпочиталъ родной Сѣверъ.

На Ривьерѣ Чеховъ отдалъ дань общечеловѣческой слабости: онъ увлекся рулеткой. Правда, онъ умѣлъ держать себя въ рукахъ и не проигрывался чрезмерно, но много времени тратилъ на рулеточныя соображенія. Я засталъ однажды Чехова съ кипой бюллетеней въ рукахъ. Въ Монте-Карло печатаются бюллетени, въ которыхъ отмѣчаются ежедневно всѣ вышедшіе въ рулеткѣ нумера. Чеховъ изучалъ эти цифры и старался найти порядокъ, въ которомъ онъ выходятъ одна за другой. Онъ изобрѣталъ систему, какъ выражаются въ Монте-Карло.

Такихъ системъ найдено уже много множество, и, какъ извѣстно хладнокровнымъ людямъ, ни одна не годится по той простой причинѣ, что рулетка—не машина, непрерывно дѣйствующая, а зависить отъ руки крупье, постоянно мѣняющагося. Увлекающимся людямъ часто представляется, что долженъ существовать какой-то законъ цифръ и что, если его найти, можно обогатиться безъ всякаго риска. Если бы подобный законъ могъ быть найденъ, это было бы благодѣяніемъ для человечества: тогда закрылся бы игорный вертепъ въ Монако пожирающій ежегодно немало жертвъ. Въ минуты увлеченія и Чехову, какъ другимъ, казалось, что онъ можетъ придумать какую-то систему и побѣдить непобѣдимую рулетку. Какъ извѣстно, красное или чередуется съ чернымъ, какъ и должно быть по теоріи вѣроятности (выходитъ красное, потомъ черное, потомъ опять красное), или же красное выходитъ сериями нѣсколько разъ подъ рядъ и, затѣмъ, черное точно также сериями. Чеховъ пробовалъ играть на серію и проигрывалъ, конечно, когда попадалъ на довольно правильное чередованіе краснаго и чернаго. Онъ убѣдился, что для рулетки не нужно умѣнья, а только счастье и счастье.

Не знаю, думалъ-ли самъ Че-

ховъ, что и въ литературѣ счастье играетъ извѣстную роль, но для посторонняго наблюдателя случай, несомнѣнно, имѣлъ значеніе въ его жизни. Не произошли одна случайность, Чеховъ не сдѣлался бы драматургомъ (по крайней мѣрѣ, знаменитымъ драматургомъ). Обстоятельство, которое обыкновенно называется неудачей, привело его къ славѣ, именно, то что московскій театрално-литературный комитетъ забраковалъ его пьесу. Въ то время председателемъ театральнаго комитета въ Москвѣ былъ извѣстный проф. Н. П. Стороженко, человѣкъ мягкій и добрый въ обыкновенной жизни, но суровый критикъ. Драматическіе писатели знали, что провести пьесу въ Петербургѣ, гдѣ председательствовалъ сначала Григоровичъ, потомъ Вейнбергъ, гораздо легче, чѣмъ въ Москвѣ. Стороженко, большаго знатока и поклонникъ Шекспира, считалъ, что драматическое дѣйствіе должно развиваться по извѣстнымъ внутреннимъ законамъ и никоимъ образомъ не отступать отъ шекспировской логики. И вдругъ Чеховъ представляетъ „Дядю Ваню“, пьесу, въ которой самъ дядя Ваня безъ достаточнаго основанія стрѣляетъ въ ни въ чемъ неповиннаго профессора. Выстрѣлъ этотъ поразилъ Стороженку, и онъ предложилъ автору его уничтожить. Чеховъ обидѣлся и взялъ свою пьесу назадъ. Онъ находилъ, что его дядя Ваня дѣйствуетъ вполне логично, по логикѣ слабыхъ характеровъ, срывающихся гнѣвъ на людяхъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Такому поступку Чехова почтенный Стороженко удивился еще больше его выстрѣла и говорилъ мнѣ по этому поводу: „Такіе они знаменитые стали эти молодые писатели, что имъ нельзя сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія“.

Получилъ Чеховъ нужное одобреніе, онъ отдалъ бы свою пьесу казеннымъ театрамъ, и она, конечно, провалилась бы такъ же

торжественно, какъ незадолго до этого провалилась его „Чайка“ на Александринскомъ театрѣ. Сужу и потому, что я видѣлъ на этой сценѣ „Вишневый садъ“ и удивлялся, до какой степени казенные режиссеры не умѣютъ ставить Чехова, несмотря на отличныхъ исполнителей отдѣльных ролей. Зато Чеховъ сошелся съ московскимъ Художественнымъ театромъ и, благодаря блестящей оригинальной постановкѣ Станиславскаго, пользовался на сценѣ громаднымъ успѣхомъ, превзошедшимъ успѣхъ Островскаго.

Про Чехова говорили и теперь говорятъ, что онъ создатель новаго театра. Недавно одинъ лекторъ пояснилъ, что онъ не былъ сознательнымъ новаторомъ, но былъ новаторомъ безсознательнымъ; я позволяю себѣ думать, что та новая театральная форма, которую создалъ Чеховъ, создавалась имъ безсознательно, но что въ пьесахъ его нельзя видѣть новаторства или обновленія драмы. Въ его пьесахъ почти нѣтъ или совсѣмъ нѣтъ (какъ въ послѣднихъ произведеніяхъ „Три сестры“ и „Вишневый садъ“) драматическаго дѣйствія: это рассказы въ лицахъ и разговорахъ, которые, конечно, можно ставить, по которымъ нельзя назвать ни комедій, ни трагедій. Выражаясь по школьному—это эпосъ, а не драма. Какъ извѣстно, не разъ пробовали передѣлывать для сцены знаменитые романы напр. „Преступленіе и Наказаніе“, „Анну Каренину“ и др. Подобныя драматическія издѣлія никогда успѣхомъ не пользовались и доказывали, что талантливая беллетристика великолѣпна въ чтеніи совсѣмъ не годится для театра. Пьесы Чехова, конечно, нельзя сравнивать съ подобными передѣлками хотя бы потому, что онъ написаны рукою мастера, романы же перекариваются литературными ремесленниками. Тѣмъ не менѣе, нельзя думать, что

Чеховъ составилъ эпоху въ развитіи драмы. Сознательное его новаторство заключалось только въ томъ, что онъ старался писать какъ можно естественнѣе, и публика говорила про его пьесы: это сама жизнь. Чеховъ не допускалъ мысли, что можно написать историческую драму въ стихахъ. „Такая форма совершенно устарѣла,—говорилъ онъ мнѣ,—и никому болѣе не нужна. Надо родиться маніакомъ, чтобы писать стихами“. Я съ такимъ взглядомъ не соглашался и полагаю, что во всѣхъ случаяхъ, когда требуется высокій и торжественный слогъ, безъ пяти-стопнаго ямба не обойдешься.

Чехова перѣдко сравнивали съ Тургеневымъ и „Мѣсяцъ въ деревнѣ“,—съ Чеховскими пьесами. Въ этомъ сравненіи звучитъ для меня иронія, когда я вспоминаю одинъ изъ нашихъ разговоровъ.—„Пробовали ли вы перечитывать Тургенева?“—спрашивалъ меня Чеховъ въ Ниццѣ.—„Нѣтъ,“—отвѣчалъ я,—а что вы собственно хотите сказать?“—„Попробуйте, и вы убѣдитесь, что Тургенева больше нельзя читать“. Вскорѣ послѣ этого, мнѣ пришлось читать Тургенева вслухъ, и я убѣдился, что Чеховъ былъ совершенно правъ и что Тургенева не безъ основанія считается классическимъ писателемъ.

Дѣйствительно, Чехова и Тургенева объединяетъ одна общая черта: и тотъ, и другой были беллетристами по свойству своего таланта. Чеховъ не могъ написать драмы точно также, какъ Бѣлинскій и Чернышевскій не могли создать беллетристическаго произведенія, и такъ называемый романъ „Что дѣлать“ всего лучше это доказываетъ. Беллетристъ думаетъ образами и характерами, а драматургъ сценами. Занимаясь какъ то рукописями Островскаго, я замѣтилъ, что его обыкновенно захватывали важнѣйшія сцены задуманной драмы и ихъ онъ набрасывалъ прежде всего. По

свойству таланта, въ воображеніи Чехова подобныя сцены совсѣмъ не рисовались, и ему представлялось, что для театра надо писать какъ можно естественнѣе, т. е. воспроизводить разговоры, наиболѣе похожіе на наши повседневныя обывательскія бесѣды.

Чехову, вообще, казалось, что свойства его таланта вполне совпадаютъ съ современными литературными требованіями. Онъ увѣрялъ меня, что длиннаго романа теперь написать нельзя, что его никто читать не станетъ. Въ то же самое время одинъ маститый беллетристъ, не безъ зависти относившійся къ молодому, говорилъ мнѣ: „Мы всегда начинали длиннымъ романомъ, а теперьшніе (онъ разумѣлъ преимущественно Короленко и Чехова) дебутируютъ мелкими рассказами и дальше не идутъ“. Романъ и новѣсть имѣютъ одинаковое право на существованіе, и взглядъ Чехова едва ли правиленъ, но онъ былъ правъ въ томъ отношеніи, что самъ онъ не могъ написать романа, какъ не могъ написать драмы.

Чеховъ былъ новеллистомъ, какъ выражаются на Западѣ писателемъ новеллъ, небольшимъ по объему рассказомъ, и въ этомъ родѣ не имѣлъ себѣ равныхъ. Въмѣсто развѣнчиванія и неувереннаго восхваленія, критикъ пора серьезнѣе отнестись къ Чехову, сопоставить его творчество, юморъ и пессимизмъ съ его личною жизнью и оцѣнить по достоинству свойства его таланта. Въ исторіи русской литературы Антонъ Павловичъ Чеховъ займетъ несомнѣнно, почетное мѣсто.

„П. В.“

П. Безобразовъ.

